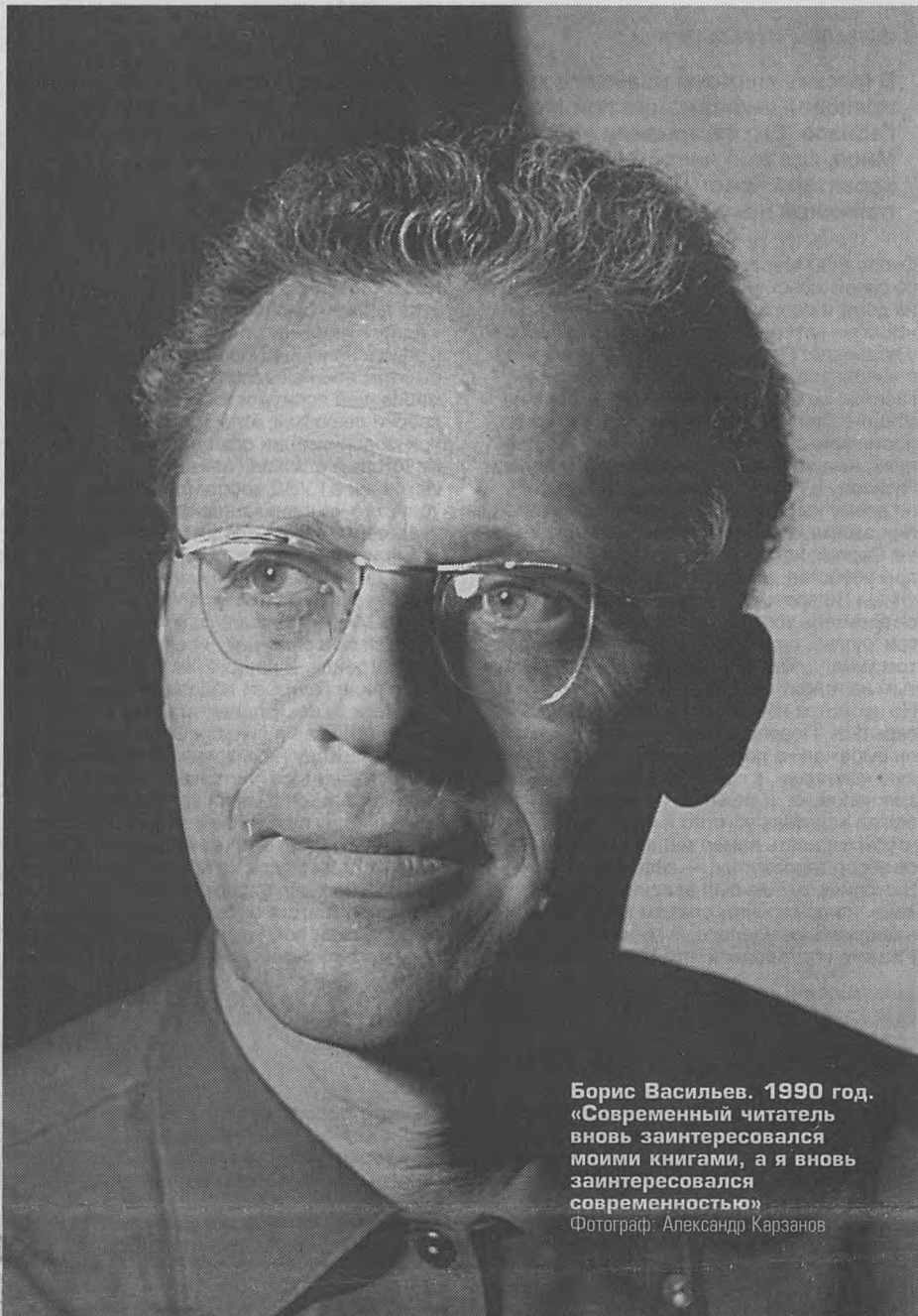

обилей

“писателем быть я и не замаживался”

Борис Васильев — Газете

Борис Васильев. 1990 год. «Современный читатель вновь заинтересовался моими книгами, а я вновь заинтересовался современностью»
Фотограф: Александр Карзанов

401 СТР

А сейчас? Уже не хочется? Вы же еще совсем недавно были очень активным публицистом. Что-то переменилось? Да. Ходорковского посадили. Ведь это же он финансировал проект «Золотое перо». Скажу без ложной скромности — действительно, лучшие перья России были им собраны: Искандер, Войнович, Приставкин, Жуховицкий, Черниничев, Нуйкин, еще десятка полтора громких фамилий. И мы почти пять лет писали короткие честные статьи для региональной прессы. На местах зажимали своих журналистов, а именитые московские писатели оказались не по зубам властям в регионах — в этом и состояла идея. Ходорковский платил щедρο. Этим можно было зарабатывать на жизнь, не говоря уже о том, что дело интересное. И всегда приятно чувствовать, что ты нужен людям.

И что же? Сегодня опять подступила какая-то растерянность, неопределенность? Знаете, где я ощутил ее у вас? В романе «Глухомань». Да, это было. Видите ли, лет десять назад — смутное начиналось время — я вдруг ощутил, что просто перестаю понимать происходящее. Не могу угнаться за меняющимися временем. И предпочел взяться за исторические романы. Я очень люблю русскую историю, неплохо знаю ее, вот и написал довольно много. А потом, где-то преодолевая себя, рискнул обратиться к современности — получилась «Глухомань». И что? Был какой-то резонанс, даже благоприятные отклики. Но доволен ли я сам? Нет. Мне не удалось в должной мере отразить даже жизнь Солнечногорска, который мне все-таки хорошо знаком. Мы здесь давно, прижились уже, и, когда писал, я видел эту обстановку: местные проблемы, местные кланы, местные разборки... Подобным образом можно и всю страну показывать, так, например, происходят «Братья Карамазовы». События происходят в неизвестном заштатном городишке. Но, во-первых, это же Достоевский, а во-вторых, даже здесь в наши дни жизнь чрезвычайно стремительна по сравнению с теми временами. В общем, я понял тогда, что пока не могу создать ничего современного. А сегодня с публицистикой чуть-чуть другая ситуация. Сегодня я прячу ее в художественную оболочку. Я сейчас над такой вещью работаю. Собственно, я ее еще только начал. Трудно говорить об объеме, но это должна быть настоящая сюжетная повесть с персонажами, со всеми коллизиями. Называется будет «Победоносцы». А речь пойдет о нашей армии. Понимаете? Я хорошо ее знаю, армию, я же из офицерской семьи и сам офицером 15 лет был. Победоносцы — это те, кто носит знамена. Только победоносцы, а не победители. Нельзя быть победителем, когда воюешь с собственным народом. Это и о Чечне, конечно. И там много будет документально-го — в прозу вливается публицистика. Так интереснее, чем писать статьи.

Значит, произошел еще один новый поворот, опять к современности? Ведь последние были у вас романы из времен седой древности: «Вещий Олег», «Ольга — королева русов»... Опять же не совсем так, если говорить о последних книгах. Во-первых, я недавно практически закончил новый роман — «Отрицание отрицания». Собственно, точка в нем поставлена, просто надо еще перечитать, внести окончательную правку. И я пока не знаю, кто его будет издавать. Это книга о судьбах русской интеллигенции в двадцатом веке. История одной семьи

«Повесть «А зори здесь тихие» стала бестселлером, после чего дорога мне была расчищена»
Писатель Борис Васильев — Газете

Эти романы скорее биографические, а что касается древней истории и не только ее — я, например, написал отдельный роман о Скобелеве, он тоже недавно вышел в «Вече» — так я же всегда мечтал стать историком. А писателем быть я и не замаживался, это мне даже в голову не приходило. В семье очень любили читать, книг было много. Это сейчас все телевизор смотрят, а тогда читали вечерами, за столом. Моя старшая сестра Галина читала вслух, я слушал. Наверно, поступил бы в университет, если б не война. Какой из меня историк получился бы — неизвестно, но интерес был с детства.

А писателем как вы стали?

Я начинал с театральной драматургии. Первую пьесу написал еще будучи в погоне, она называлась «Офицер». Я тогда увидел конфликт, ощутил реально, не теоретически: на смену боевым офицерам, отважным, обеспечившим победу, пришли люди, просто окончившие академию, не воевавшие. А куда податься парню — ему лет сорок, он весь в орденах, а делать ничего не умеет. Кроме как убивать. И молодые стали выпихивать, выталкивать — жестокий такой бойкот новых офицеров. Я об этом написал пьесу. Она была поставлена ЦТСА и запрещена на второй день после премьеры.

Это какой же был год?

Пятьдесят пятый.

То есть уже после смерти Сталина, но до XX съезда.

Да. Я понял, что все сгорело. И не знаю, что бы я делал, если б не Николай Федорович Погодин. Он взял меня в свою группу сценаристов при Госкино, и я там довольно долго работал. «Очередной рейс», «Длинный день» — это были первые мои фильмы.

Прозу позже стали писать?

За прозу я как-то все боялся садиться. И тут судьба нас вместе с женой Зорей толкнула на Унжу, это приток Волги. Там у Зориной матери жили родственники. А чуть-чуть в стороне был затон, где речные суда становились на зиму. Я там, во-первых, увидел труд, настоящий потный труд, грохот кранов и как все работают с бешеной энергией от темна до темна и от света до света, как зарабатывают деньги без всяких перекуров, в бешеном темпе. Во-вторых, тот, у кого мы жили, был капитаном на катере и пригласил нас к себе, меня — мотористом (он знал, что я инженер), а Зорю оформили матросом. Мы с ним месяц плавали. Ох, какая это была работа! Палуба шатается, кухня маленькая, Зоря готовила одну рыбу, в магазинах же ничего не было, и мы на эту рыбу уже смотреть не могли.

Отсюда появился «Иванов катер»?

Да, моя первая настоящая повесть, вот на этом живом материале. И потом, вернувшись сюда, я отволок этот «Иванов катер» в «Знамя», а там заявили, что это, извините, поклеп на советскую действительность, мол, ничего подобного, так и не живут, это очернительство — было такое модное словечко. И тогда известный писатель Александр Рекемчук сказал: «Плюнь на них, Борис! Давай-ка сюда все экземпляры, трусы несчастные! Пошли к Твардовскому!» А «Новый мир» — это же было плащиде перейти. И мы пошли. Это был единственный случай, когда я видел Твардовского. Он уже надевал пальто. «Хорошо», — сказал, — «оставьте». Потом я Саша Рекемчук звонил. «Твардовскому понравилось», — сообщил он, — «будет печатать». И тут его снимают через несколько дней, и это все лежит. Я у Коновалова спрашиваю: «Так будете печатать или нет?» — это новый у них начальник. «Будем, в планах стоит, мы только его доделаите немножко с нашим редактором, и все будет хорошо». Ну а просто ждать неинтересно, и я тем временем пишу «А зори здесь тихие...», довольно быстро написал, месяце за все. Даже меньше. И повесть стала бестселлером, после чего дорога мне была расчищена. И «Иванов катер» вышел, и замечания все сняли...

селлером, после чего дорога мне была расчищена. И «Иванов катер» вышел, и замечания все сняли...

То есть «Зори» вышли раньше?

Да, в «Юности». И там же «Самый последний день», только после этого «Катер». И «В списках не значился» — тоже в «Юности», но уже позже, в 75-м, к тридцатилетию Победы.

В кинематограф вы же еще не раз возвращались? Конечно, были «Офицеры» и «Аты-баты, шли солдаты».

Все это достаточно давно. В последнее время в кино уже не работали?

Нет. Ну были экранизации, иногда меня просили поучаствовать в написании сценария, поучаствовать на съемках, но сам уже не писал. Вот «Зори» мы со Стасом Ростокиным вместе делали, это, пожалуй, и был последний по-настоящему мой сценарий.

Когда вы сказали, что сценарий писался год, я подумал: какие были хорошие времена! Сегодня пишут за неделю. А то и за один день целой командой, если работают над сериалом. Поэтому, наверное, и кино такое.

Это не совсем справедливо. А Звягинцев?

«Возвращение»?

Ну конечно. Просто великолепный фильм. А «Кукушка» Рогожкина? Прекраснейшие картины, заслуженные награды. Звягинцев напoлучал призов: в Венеции, в Лос-Анджелесе, в Париже... Не помню, где еще. Давно такого не было. «Кукушка» получила «Нику». Какая там чудная актриса! И вообще актеры прекрасные.

Значит, в кино сегодня какой-то прорыв есть?

Есть. Денег дайте — будет еще лучше. Хорошую картину не снимают по дешевке, для серьезных фильмов нужна подготовка длительная, а если все скорей-скорей, давай-давай, то и выходит чепуха полная. Этого у нас навалом. Голливуд тоже чепуху снимает, но для третьих стран, а для себя они делают 20 картин, которые можно показывать в США и Европе. И еще специально 8, рассчитанных на получение премии.

А вам не кажется, что премии сегодня получают не совсем за художественные достоинства? Получают блокбастеры.

То есть денег вбухали, и больше ничего не надо. А они же зачастую пустышки. Есть и такое. У американцев вообще многое по-своему, они же никогда не дадут премию за трагедию. За мелодраму — пожалуйста. Вот Меньшов и получил тогда. Это же откровенная мелодрама в американском стиле. А Венецианский фестиваль — совсем другой уровень, в Европе просто выше уровень культуры... Между прочим, «Зори» были представлены на «Оскара». Мы его не получили, но Стас ездил туда. А «Оскара» дали фильму «Кабаре» Боба Фосса. Стас сказал: «Слушай, какая картина! Это же не просто частный случай на войне — это глубже, о приходе Гитлера к власти, очень гражданская, очень антифашистская картина». Так что Стас не сожалел. А наш фильм катили по Америке, потому что в положении об «Оскаре» есть такой пункт — мнение зрителей. Мнение общественности. Американцы любят это. В общем, наш фильм ушли в США. И в конечном счете Голливуд пригласил меня туда. Со мною поехал Анатолий Метальников, он был секретарем Союза, а без секретарей тогда не пускали — еще останешься! Первая поездка за океан. Я совершенно ошалел от Лос-Анджелеса, от Голливуда.

Поработать не предлагали?

Нет. Но принимали! Говорят, американцы не гостеприимны. Ничего подобного! Гостеприимны невероятно, радовались они очень, что русские приехали, из Советско-

Борис Васильев (слева) сразу после вручения ему премии «Ника-2002» в номинации «За честь и достоинство» вместе с режиссером Петром Тодоровским
Фотограф: Франк Вильягра/Газета

го Союза, они нас не видели никогда. Теперь там много русских, а тогда было очень мало.

Спрошу совсем о другом. Вы были коммунистом?

А как же! Правоверным.

И как произошло изменение ваших взглядов?

Очень резко. Дело все в том, что я и Егор Яковлев прошли в Совет народных депутатов, одними из первых получили мандаты. А в это время началась та самая катавасия в Тбилиси. 89-й год, апрель. Слухи дошли мгновенно, киношники оттуда позвонили своим, и мне сказали: «Вам нужно ехать. Туда же никого не пускают, никуда, блокада полная, а вас не имеют права не пустить». Мы сели в самолет. Прилетели. Нам говорят: «Нет. Туда нельзя». «Простите!» — мандат показываем, и они — под козырек. Мы приехали и попали на самые первые похороны. Город — совершенно черный. Мужчины — все небритые, заросшие, они же не бреются, пока не похоронят своих. Дети — тихие. Тихие дети в Тбилиси! Это надо было видеть, невозможно себе представить этих вечно галдящих сорванцов тихими. И все в черном — женщины, мужчины, даже дети. Мы приехали на похороны одной из девочек. Нас встречал Буба Кибабидзе. Он говорит: «Пойдем». Мы пошли, и это было очень тяжело. Потом все кончилось, могли засыпать, люди стали расходиться. А мы стоим, Буба достает пачку сигарет, говорит: «Закуривайте, ребята». Вот там я закурил вновь, а перед этим бросил. Буба говорит: «Увидимся в номере, я к вам приду в «Иверию». Приходит, вынимает из кармана чачу и вино. А у них там сухой закон. Егор спрашивает: «Вакхант, ты не боишься?» — «Во-первых, меня никто не остановит, меня все знают в Тбилиси, а во-вторых, закрыли все винные лавки, но какой грузин не имеет дома чачи?» Мы выпили. И очень много курили... Потом я выступал на съезде, и генералы буквально затопывали меня ногами. А Горбачев говорит: «Да отойди ты, отойди! Я тебе дам слово». И действительно, они потом все успокоились, и после перерыва он дал мне слово. Я выступил. Зал слушал. Постановили создать комиссию по Тбилиси. Ее возглавлял Собчак, и я попал в состав. Мы провели там недели две. У меня огромная папка есть с документами.

А удалось все-таки понять, кто отдавал приказ?

Да, конечно. Но там не в приказе дело. Там было дело в нарушении устава и закона. Родионов, командующий гарнизоном, который стал потом министром — удивительное дело! — выстроил солдат, объяснил им, что демонстрантам тридцать минут на очистку площади, а они пошли сразу. И еще восьмой полк по другой улице спустился.

Десантный полк?

Нет, обычный мотострелковый. Десантники там тоже были. Я разговаривал с их командиром, не помню сейчас фамилии, они шли по тротуару мимо дома правительства и беспощадно всех колотили, кого только могли. В результате 23 убитых, а не 16, как признавали сразу...

Есть четвертый пункт в Уставе партии, о добровольном выходе из нее. Я написал заявление и отнес своему секретарю. Все.

Вот так я перестал быть коммунистом.

Что в вашем творчестве кажется вам самым значительным?

Я считаю, самое лучшее, что мне удалось сделать, — это хроника семьи Олексинских, вот этот цикл романов. Самая серьезная работа.

Хотя если брать читательский успех, то далеко не это.

Далеко не это. Может быть, потому что работа, требовавшая больших знаний от меня, и от читателя требует определенного труда.

А ваша визитная карточка — это все-таки «Зори».

Понятно, она же входит в программу школьного обучения. Это во-первых, а во-вторых, был фильм. Была пьеса, была опера Кирилла Молчанова, балета только не было, а теперь еще экранизация в Китае — 20 серий. Они будут снимать этим летом у нас, на «Мосфильме», с нашими актерами.

На сколько языков вас переводили?

Я уже счет потерял. Правда, со многими не было договоренностей, и платили далеко не все, а только тот, кто хотел.

Но экземпляры в руки попадали?

Иногда. В «Москве» стоят, есть целая полка специальная. Английских, французских, немецких книг много... Немцы, кстати, как раз платят. Они лишены всякого патриотизма. Немцев вообще очень уважаю. Они сумели признать, что были виноваты. А вот мы не признали.

Помните, Венедикт Ерофеев как-то сказал: «Я бы устроил коммунистам маленький Нюрнберг». Он так сказал, но можно было бы и не маленький, а настоящий. Но у нас никакого не было. Да, такого процесса не было. Это огромная, с моей точки зрения, ошибка. Огромная. И боюсь, что теперь уже действительно поздно.

газета

вместо сердца

пламенный мотор

Борис Львович Васильев родился 21 мая 1924 года в городе Смоленске. Закончил Военную академию бронетанковых и механизированных войск имени маршала Малиновского. Участник Великой Отечественной войны. Им написано около 30 повестей и романов, многие из которых были экранизированы и инсценированы, такие как «А зори здесь тихие...», «Завтра была война», «Не стреляйте белых лебедей», «Иванов катер», «В списках не значился». Книги Бориса Васильева переведены на десятки языков и включены в школьные программы не только в России. По его сценариям поставлены такие знаменитые фильмы, как «Офицеры» и «Очередной рейс».

В 1975-м он был удостоен Государственной премии СССР, в 1987-м — золотой медали имени А.Д. Довженко, в 1997-м — премии имени А.Д. Сахарова «За гражданское мужество», в 2003-м стал лауреатом премии «Ника» в номинации «За честь и достоинство». Борис Васильев получил также шесть театральных премий, три из которых международные, премию имени Ленинского комсомола, орден Дружбы народов, российско-итальянскую литературную премию «Москва — Пенне» и много других кинематографических и литературных наград. С 1989 по 1991 год был народным депутатом Первого съезда и активно занимался публицистикой и общественной деятельностью. Является членом комиссии по правам человека при президенте РФ.

Борис Васильев у себя дома в городе Солнечногорске
Фотограф: Вадим Крохин